

Плоский мир

TERRY PRATCHETT

The Colour
of Magic

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ЦВЕТ
ВОЛШЕБСТВА

МОСКВА
2018

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
П68

Terry Pratchett
THE COLOUR OF MAGIC

Copyright © 1983 by Terry Pratchett
First published by Colin Smythe Ltd., Great Britain.

Иллюстрация на обложке художника *Дж. Кирби*

Пратчетт, Терри.

П68 Цвет волшебства / Терри Пратчетт ; [пер. с англ. И. Кравцовой]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-093021-0

Это Великий А'Туин, Вселенская Черепаха, которая бороздит безбрежный космос. Это четыре слона, которые держат на спинах Плоский мир. А это Ринсвинд, самый трусливый волшебник на Диске, и Двацветок, первый турист Плоского мира. Неисчислимые тролли, драконы, волки и Смерть (одна штука) поджидают их в скитаниях по дотоле неведомой нам сказочной вселенной.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© И. Кравцова, перевод на русский язык,
2018

© Издание на русском языке. Оформление.
«Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-093021-0

Цвет волшебства

В далеком и далеко не новом комплекте измерений, в том крыле космоса, которое никогда не предназначалось для полета, клубящиеся звездные туманы дрожат, расступаются и...

Смотрите...

То приближается Великий А'Туин, черепаха, медленно плывущая по межзвездному проливу. На Ее могучих лапах инеем застыл водород, Ее гигантский и древний панцирь изрыт метеоритными кратерами, а глаза величиной с два моря, покрытые слизью и астероидной пылью, неотрывно глядят в сторону Цели.

В Ее мозгу, превышающем размерами город, с геологической медлительностью ворочаются мысли, и все они — о Бремени.

Большую часть Бремени составляют Берилия, Тубул, Великий Т'Фон и Джеракин — четыре исполинских слона, на чьих широких, загорелых под светом звезд спинах покоится диск Плоского мира, окаймленный пенистой гирляндой грандиозного водопада и накрытый нежно-голубым куполом Небес.

О чем думают слоны, астропсихологии установить не удалось.

Существование Великой Черепахи было всего лишь гипотезой, пока небольшое и очень скрытное королевство Крулл, чьи горы выступают над самым Краепадом, не построило на вершине одного из утесов подъемное устройство, состоящее из стрелы и блоков. С помощью этого механизма за Край в латунном корабле с кварцевыми стеклами были опущены несколько наблюдателей, в задачу которых входило проникнуть за пелену тумана.

Эти первые астрозоологи долгое время провисели в космосе, пока огромные отряды рабов не вытащили их обратно. Ученые сумели собрать обширную информацию о природе и образе Великого А'Туина и слонов, однако даже это не разрешило фундаментальных вопросов, касающихся природы и цели вселенной.

Вот к примеру, какого все-таки пола Великий А'Туин? Согласно неимоверно авторитетным заявлениям астрозоологов, на этот жизненно важный вопрос невозможно будет ответить до тех пор, пока не будет сооружен более крупный и мощный подъемник для космического корабля глубокого погружения. Пока же остается лишь размышлять об уже познанном вселенском пространстве.

В среде академиков бытовала и была особенно популярна теория о том, что Великий А'Туин пришел ниоткуда и будет во веки веков равномерно ползти или размеренно продвигаться в никуда.

Альтернативная теория, пользующаяся поддержкой религиозно настроенных умов, утвер-

ждала, что А'Туин ползет от Места Рождения к Брачной Поре, как и все остальные звезды на небе, которые, очевидно, также передвигаются на спинах гигантских черепах. Когда же космические рептилии наконец сойдутся, наступит краткий и страстный сезон любви, первый и последний в их жизни. От этого пламенного союза родятся новые черепахи, которые понесут на своих панцирях обновленный комплект миров. Данная теория была известна под названием «гипотеза Большой Случки».

Так вот и вышло, что молодой косморептилолог из фракции Размеренного Продвижения, испытывая новый телескоп, с помощью которого он надеялся измерить точное альбедро правого глаза Великого А'Туина, оказался в этот судьбоносный вечер первым сторонним наблюдателем, заметившим, что над самым старым городом Плоского мира поднимается дым пожара.

Однако потом ученый так увлекся своими расчетами, что все увиденное полностью вылетело у него из головы. Тем не менее он был первым.

Хотя были и другие...

Пламя с ревом несло по двуединому городу Анк-Морпорку. Там, где его язычки лизали Квартал Волшебников, оно пылало синевой и зеленью, разбавленными необычными искрами восьмого цвета, октарина. Там, где передовые отряды пожара проложили дорогу к чанам и масляным складам, расположенным вдоль всей улицы Торговцев, огонь продвигался сериями взрывающих в небо жарких фонтанов и взрывов. Касаясь связок редких суше-

ных трав и залезая в кладовые аптекарей, пламя заставляло людей сходить с ума и разговаривать с богами.

Вскоре весь центральный Морпорк был охвачен огнем, но более богатые и достойные граждане расположенного на другом берегу Анка не растерялись. Мужественно реагируя на создавшуюся ситуацию, они принялись уничтожать мосты. Однако корабли в морпоркских доках, хорошо просмоленные, нагруженные зерном, хлопком и лесом, уже всю горели. Огонь моментально превратил их швартовы в пепел, и тонущие светлячки судов, штурмуя волны реки Анк, понеслись к морю, поджигая на своем пути все прибрежные дворцы и беседки. Общей суматохи добавлял ветер, разносящий во все стороны искры, которые приземлялись далеко за рекой в укромных садиках и овинах.

Дым от радостно пляшущего пламени поднимался высоко в небо — черная, изогнутая ветром колонна высотой в мили была видна из всех точек Плоского мира.

В нескольких лигах от города был холм, и оттуда, удобно расположившись в прохладном теничке, за пожаром заинтересованно наблюдали двое зрителей. С холма горящий город выглядел особо впечатляюще.

Тот, что повыше, попутно грыз цыплячью ножку, опираясь на меч, который был лишь немногим ниже среднего человека. Если бы не ум, светившийся в пронизательных глазах, этого человека вполне можно было бы принять за варвара из пустошей Пупземелья.

Его компаньон, закутанный с головы до пят в коричневый плащ, был гораздо меньше ростом. Позднее, когда ему представится возможность перейти к действию, мы увидим, что движется он легко, точно кошка.

За последние двадцать минут эти двое не обменялись ни словом, если не считать краткого, закончившегося ничем спора по поводу того, что было источником очень мощного взрыва — то ли таможенный склад, где хранились масла, то ли мастерская Керибля Чародея. От выяснения этого факта зависела судьба некоторой суммы денег.

Верзила закончил обглаживать кость и, с сожалением улыбнувшись, швырнул ее в траву.

— Вот и конец укромным переулочкам, — заявил он. — А мне они нравились.

— Все сокровищницы погорели, — подхватил низкорослик, а потом задумчиво добавил: — Интересно, драгоценные камни горят? Я слышал, они сродни углю.

— Сколько золота плавится и стекает в канавы, — продолжал высокий, не обращая на товарища никакого внимания. — А вино, наверное, кипит в бочках...

— Зато крысы передохнут, — указал закутанный в плащ человек.

— Крысы — да, все до единой.

— Не хотелось бы оказаться там сейчас, когда на дворе разгар лета.

— Это точно. Однако нельзя не испытывать... ну, в общем, этакое мимолетное...

Голос верзилы затих, но тут лицо его просветлело.

— А ведь мы были должны старому Фредору из «Багровой Пиявки» восемь серебряных монет, — сказал он.

Коротышка кивнул.

Они немного помолчали, глядя на то, как целая серия новых взрывов прочерчивает алой линией темные кварталы величайшего города на Плоском мире. Потом верзила пошевелился.

— Хорек?

— Да?

— Как думаешь, из-за чего случился этот пожар?

Низкорослый собеседник, известный под именем Хорька, ничего не ответил. Он смотрел на освещенную красноватым светом дорогу. Этим путем из города вышли немногие, потому что Противовращательные ворота рухнули одними из первых, осыпав округу дождем из раскаленных добела углей.

Но сейчас по дороге двигались двое путников. Глаза Хорька, которые прекрасно видели в темноте, различили силуэты двух всадников, за которыми тащилось какое-то приземистое животное. Наверняка богатый купец, удирающий с любимыми сокровищами, с теми, которые успел собрать в отчаянной спешке. Хорек не замедлил сообщить об этом своему приятелю.

— Статус пеших разбойников не очень-то нам подходит, — вздохнул варвар, — но, как ты говоришь, времена наступили тяжелые, и сегодня ночью мягкая постелька нас не ждет.

Он поудобнее перехватил меч и, когда первый всадник подъехал поближе, шагнул на дорогу, од-

новременно поднимая вверх руку. На лице его сияла точно рассчитанная улыбка — она ободряла и вместе с тем внушала угрозу.

— Прошу прощения, сударь... — начал было он.

Всадник придержал лошадь и стащил с головы капюшон. Взору верзилы предстало измученное лицо, покрытое волдырями от ожогов и отмеченное там и сям клочьями опаленной бороды. Даже бровей и тех не было.

— Отвали, — рыкнуло лицо. — Ты ведь Бравд из Пупземелья, если не ошибаюсь?¹

---

¹ Наконец пришла пора отметить некоторые особенности строения и космологии системы, в которую входит Диск.

На Плоском мире существуют два основных направления: в сторону Пупа и в сторону Края. Но поскольку сам Диск вращается со скоростью один оборот в восемьсот дней (чтобы, как считает Рефоргул Крульский, равномерно распределять свою тяжесть по спинам поддерживающих его толстокожих), то выделяют еще два, вторичных, направления: по вращению и против оного.

Основываясь на том, что крошечное солнышко, обращающееся вокруг Диска, движется по постоянной орбите, в то время как под ним медленно поворачивается величественный Плоский мир, нетрудно догадаться, что здесь существует не четыре, а восемь времен года. Лето случается, когда солнце встает или садится совсем рядом с Краем, а зима — когда светило находится в точке, удаленной от первой примерно на девяносто градусов по окружности.

Таким образом, в землях, расположенных у Круглого моря, год начинается в свячельник, далее следует весна-прима, за которой наступает лето. Перевалив через свою середину (День Мелких Богов), лето перетекает в осень-приму, и вскоре все празднуют Новый полугод (Страшество). Зима-секундус, известная также как Наматывающая (поскольку солнце в это время поднимается по направлению вращения), сменяется весной-секундус, на пятки которой наступает лето-номер-два. Точка, отмечающая три четверти года, приходится на Ночь Всех Пустых — согласно легенде,

До Бравда дошло, что инициативу у него перехватили.

— Исчезни, ладно? — попросил всадник. — У меня нет времени с тобой еще разбираться.

Оглядевшись по сторонам, он добавил:

— Это касается и твоего вшивого компаньона, который, судя по всему, прячется где-нибудь поблизости, в любимом тенечке.

Хорек подошел к лошади и взгляделся в расхристанную фигуру.

— Да это же волшебник Ринсвинд! — восхищенно воскликнул он, одновременно занося в память волшебниково описание своей персоны, дабы отомстить на досуге. — То-то, думаю, голос знакомый.

Бравд сплюнул и вложил меч обратно в ножны. Связываться с волшебником — себе дорожке выйдет. Тем более драгоценностей у волшебников — раз-два и обчелся.

в эту ночь, единственный раз в году, все ведьмы и колдуны остаются в своих постелях. Но вот уже с деревьев облетают листья, по ночам землю схватывает морозец — то грядет зима Разматывающая, в сердцевине которой заледеневшей драгоценностью приютился новый свячельник.

Поскольку Пуп Плоского мира не избалован вниманием солнца, тамошние земли покрыты вечной мерзлотой. А вот Край, напротив, — область солнечных островов и богатых деньков.

Неделя на Диске состоит из восьми дней, а спектр — из восьми цветов. На Плоском мире число восемь заключает в себе очень могущественную магию — ни один волшебник никогда, ни в коем случае не должен произносить это число вслух.

Почему все вышеописанное происходит так, а не иначе, не совсем ясно; тем не менее это отчасти объясняет тот факт, что богов на Плоском мире не столько почитают, сколько проклиняют.

— Для подзаборного волшебника этот тип слишком выпендривается, — буркнул он.

— Ты ничего не понял, — устало отозвался всадник. — Я вас так испугался, что мой позвоночник превратился в кисель. Просто как раз сейчас я страдаю от передозировки страха. Я хочу сказать, что мне нужно прийти в себя. Тогда я смогу испугаться вас как полагается.

Хорек ткнул пальцем в сторону горящего города.

— Ты что, прямиком оттуда? — поинтересовался он.

Волшебник потер глаза обожженной докрасна рукой.

— Я был там, когда начался пожар. Видишь вон того? Там, сзади?

Он указал на дорогу, по которой все никак не мог доехать его спутник. Любимый метод верховой езды, усвоенный попутчиком волшебника, заключался в том, чтобы выпадать из седла каждые несколько секунд.

— Ну? — спросил Хорек.

— Это его рук дело, — просто сказал Ринсвинд.

Бравд и Хорек разом поглядели на темный силуэт, который в данную минуту, сунув одну ногу в стремя, прыгал поперек дороги.

— Что, настоящий поджигатель? — наконец удивился Бравд.

— Да нет, — фыркнул Ринсвинд. — Не совсем. Скажем так: воцарись вокруг полный и абсолютный хаос, этот человек стоял бы в самую грозу на вершине холма, одетый в мокрую медную кольчугу, и орал: «Все боги — сволочи!» Пожрать есть что-нибудь?

— Можем поделиться останками цыпленка, — сообщил Хорек. — В обмен на рассказ.

— Как его зовут? — поинтересовался Бравд, который, как всегда, не поспевал за ходом беседы.

— Двацветок.

— Двацветок? — удивился Бравд. — Вот это имечко!

— Вы еще и половины не знаете, — проворчал Ринсвинд, спешиваясь. — Цыпленок, говорите?

— С пряностями, — уточнил Хорек.

Волшебник застонал.

— Кстати, — вспомнил Хорек, прищелкнув пальцами, — где-то, ну, около получаса назад был такой неслабый взрыв...

— Склад с маслами взлетел на воздух, — пояснил Ринсвинд, передернувшись при воспоминании об огненном дожде.

Хорек с выжидающей ухмылкой повернулся к своему приятелю, и тот, ворча, передал ему вытащенную из кошелька монету. Со стороны дороги послышался краткий, тут же оборвавшийся вопль. Ринсвинд, не поднимая глаз, продолжал пожирать цыпленка.

— Ездить на лошади он действительно не умеет, — заметил он, потом вдруг застыл, словно вспомнив что-то очень важное, тихонько вскрикнул от ужаса и метнулся в темноту.

Когда он вернулся, существо, именуемое Двацветком, безвольно свисало с его плеча. Оно было маленьким и костлявым, а его крайне необычное одеяние состояло из доходящих до колен штанов и рубахи таких кричащих, не сочетающихся друг с другом цветов, что привередливый глаз Хорька был оскорблен даже в полутьме.

— На ощупь кости вроде бы целы, — тяжело выдохнул Ринсвинд.

Бравд подмигнул Хорьку и отправился исследовать силуэт, который, согласно предположениям разбойников, был каким-то выючным животным.

— Ты к нему лучше не суйся, — посоветовал волшебник, не отрываясь от обследования бесчувственного Двацветка. — Уж поверь на слово. Его защищает некая сила.

— Заклинание какое-нибудь? — осведомился Хорек, опускаясь на корточки.

— Н-нет. Но, думаю, какие-то чары. Очень редкие. К примеру, они могут превратить золото в медь, и в то же самое время ты эту медь не отличишь от золота; они делают людей богатыми, уничтожая их собственность, позволяют слабому бесстрашно разгуливать среди воров, проникают сквозь самые крепкие двери и выцеживают из-под семи замков сокровища. Они-то и держат меня в рабстве, так что я вынужден волей-неволей следовать за этим чокнутым и защищать его от всех напастей. Они и с тобой справятся, Бравд. Мне кажется, эти чары хитрее даже тебя, Хорек.

— Ну, и как же они называются, эти могущественные чары?

Ринсвинд пожал плечами.

— На нашем языке они зовутся «отраженный шум, как будто подземные духи орут». Вина у вас случаем не найдется?

— Тебе следует знать, что там, где дело касается волшебства, я тоже кое на что способен, — заявил Хорек. — Не далее как в прошлом году я — с помощью моего присутствующего здесь друга —